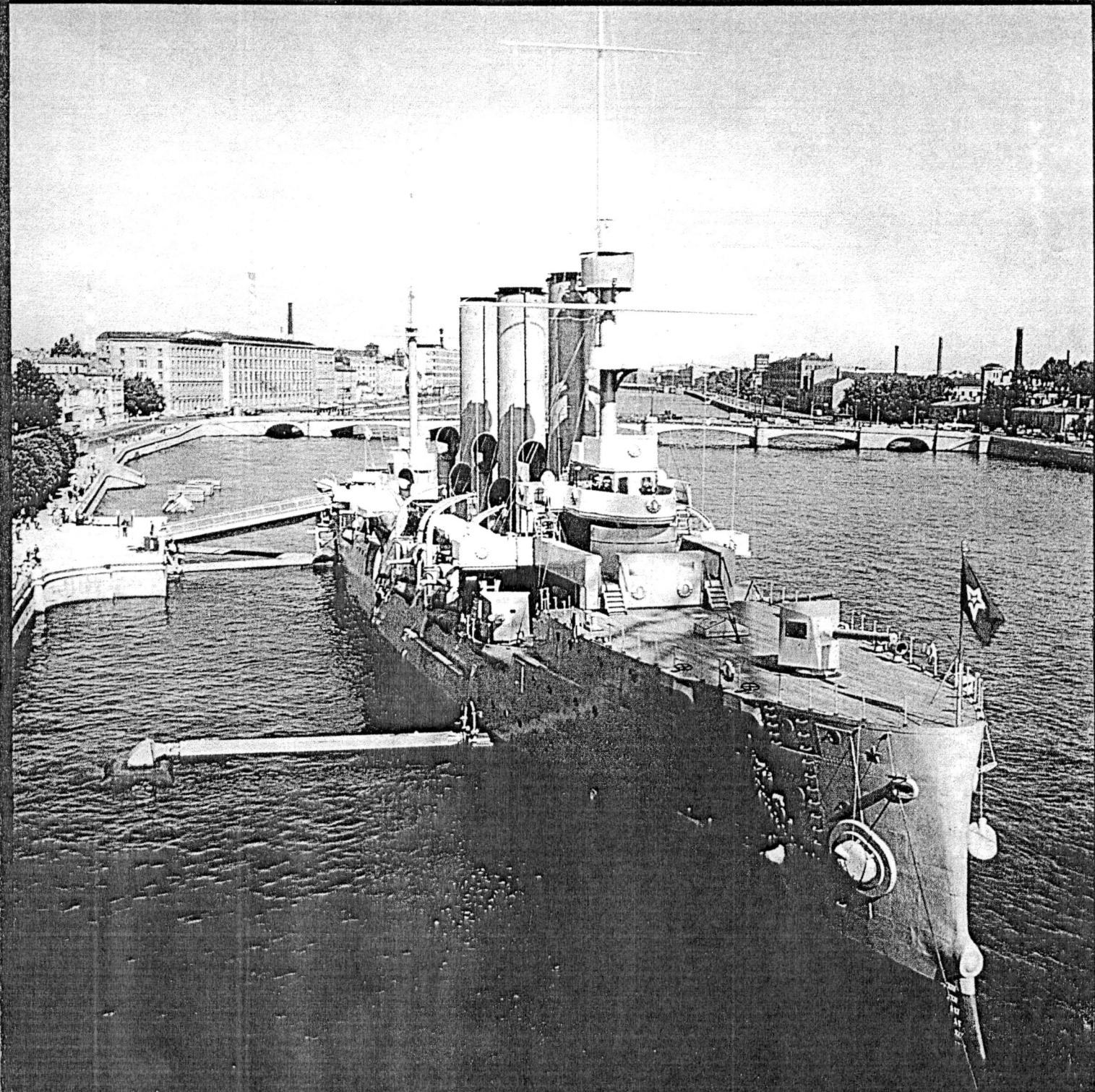
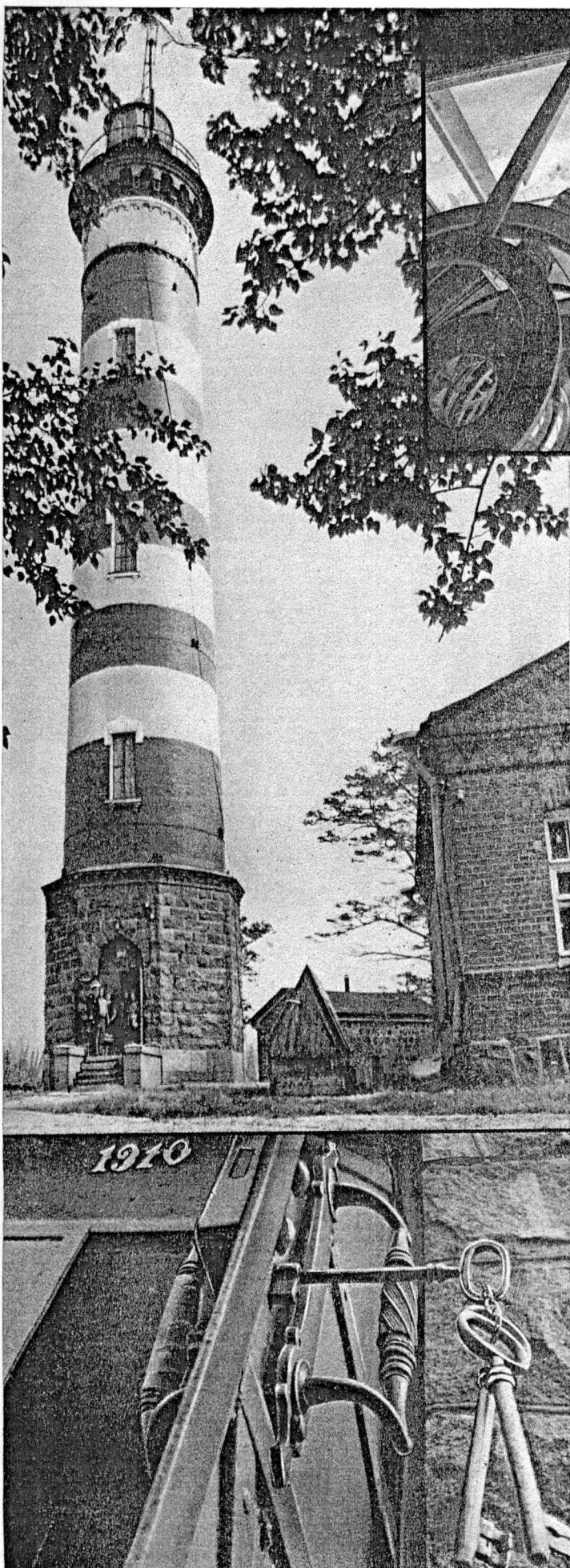

ISSN 0233—7010

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПАНОРАМА

11.1987

Маяк Шепелевский.
Строг и живописен
его силуэт,
знакомый всякому,
кто возвращался
в родной город
морским путем.

На снимке вверху —
инженер А. П. Тулин
проводит осмотр
оптического устройства.

Внизу —
подлинные ключи
от двери маячной башни,
сохранившиеся
с момента ее сооружения.

МАЯКИ БАЛТИКИ

Н. В. ИВАНОВА

Такой ключ в кармане не спрячешь. Даже на широкой моряцкой ладони ему не уместиться. Незатейливый, без каких-либо украшений и хитростей, из простого железа с мелкими оспинками ржавчины, он несет на себе печать особого достоинства. Ключ от маяка Шепелевский — подлинный, сохранившийся в первозданном виде, как и сама башня, с года своего рождения — 1910-го.

А. П. Тулин — вахтенный инженер открывает железную дверь. Винтовая лестница начинается почти от самого порога. Если смотреть вверх, голова слегка кружится: высота сооружения свыше 36 метров, а диаметр не достигает четырех. Молочный свет, проникающий в неширокие, подобные бойницам окна, неровно падает на голубоватую штукатурку с темнеющими тут и там пятнами сырости. Всем ветрам и дождям открыты маяки, от злых штормов их не спасают ни толстые стены, ни тщательный уход.

Уже на третьем витке неизвестно берешься за перечень, а на пятом ловишь себя на желании остановиться и передохнуть. Александр Петрович поднимается легко, не сбиваясь с ритма, на одном дыхании. 198 ступеней по спирали — маршрут для него привычный. Но вот каменный веер

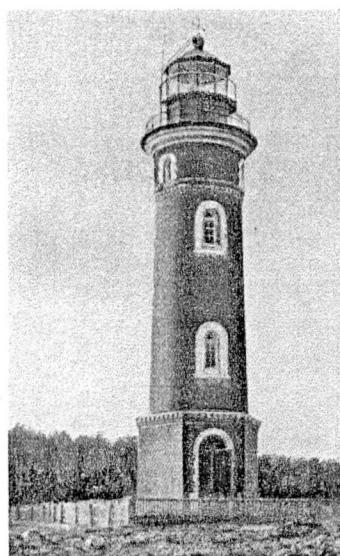
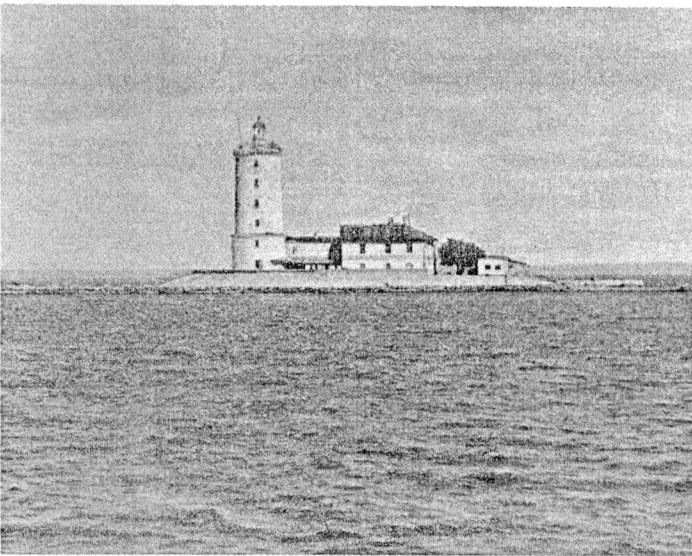
лестницы закончился. Теперь короткий, почти вертикальный трап...

Под стеклянным куполом укрыто сияющее око маяка. Отсюда, с высоты, три вечных начала — земля, вода и небо сливаются в одно прекрасное целое, такое доступное, такое понятное. Плещет прибой, носятся с криками чайки, скользят по водной глади суда. Со всех сторон море и только с одной — суза.

Маяк Шепелевский расположен на южном берегу Финского залива, у самой оконечности полуострова Каравалдай, соединенного с материковой частью узкой перемычкой. В ясную солнечную погоду на другой, северной стороне просматривается в бинокль маяк Стирсудден, получивший название по мысу, над которым он возвышается. Между ними образуются естественные ворота на подходах к Ленинграду. Маяки — ключи к этим воротам, от которых до порога родного дома рукой подать.

Только с берега, да в редкие тихие дни, как те, что выпали мне на поездку по маякам, здешняя акватория может показаться безобидной, не тающей в себе никаких опасностей. Цепи скалистых банок, широкие отмели, острова, столь характерные для Балтики дожди и туманы, а также напряженный судоходный режим

СТ
ЖЕ
СТ
ДР
НЬ
РУ
ДЕ
ВР
НГ
Ш
КИ
СТ
Н
М
КИ
ГИ

*На снимках
(слева направо):
старейший
в Финском заливе
основанный Петром I
Толбухин маяк;
Южный Гогландский;
Сескар.
Эти названия
вошли в летопись
Великой
Отечественной войны.*

*На стр. 35:
с революционными
событиями на Балтике
связана Красная Горка;
передний знак створа
о. Мошнай (Лавенсари).*

*Снимки предоставлены
капитаном III ранга
в отставке
Б. В. Федоровым.*

зебуют даже от самых опытных мореплавателей строгой авиационной дисциплины, собственно в ночное время. Никакой навык, никакое чутье — иши сигналы с суши да лодки беспечат благополучный путь.

«Торная дорога» — Ленинградский морской канал начинается на траверзе Толбухина яяка, соседствующего с Кронштадтом. Проложить точный урс тут помогает еще один яяк, установленный на южном берегу залива — Красная горка.

У всех навигационных знаков одно назначение: служить ориентирами. Но нет среди них двух одинаковых. И у этих четырех, ближайших к Ленинграду, — свойственный, раз и навсегда пределенный режим работы, позволяющий распознать именно его и отличить от других; свойственный, запоминающийся внешний облик. Они первыми встречают возвращающихся из плавания и посыпают прощальный привет тем, кто отправляется в поход.

У каждого маяка — своя судьба, своя история.

Самый известный и самый гарный из действующих в Финском заливе — Толбухин. В 1703 году, после победы над шведами в устье Невы, Петр I выдал свои отряды, чтобы занять строев Котлин и организовать а нем оборону подступов к удающей столице. Эти отряды построили первые укрепления Кронштадта. На западной, отлинской косе была установлена артиллерийская батарея полковника Толбухина. Тех пор отмель стала называться по его имени. Маяк, оборудованный на небольшом острове к западу от косы, получил свое название как бы по стафете, но не сразу. В лодии И. Нагаева (1789 г.) он упоминается как Кронштадтский. Однако народная память оказалась крепче географических связок и со временем на- сегда закрепила за маяком

имя героя петровских походов. Основателем же его, как и города на Неве, был сам император, собственноручно начертавший силуэт первой деревянной башни. Огонь для проходящих судов зажигается здесь с 1719 года.

Именно с Толбухина началось строительство маяков в Финском заливе, связанное с деятельностью Петра I по созданию военно-морского флота и активным развитием межгосударственных экономических и политических связей молодой державы. До того в России существовало немного сигнальных приспособлений, и все они действовали в Балтийском море.

Прадедушкой российских маяков по праву считается маяк Кыпу, расположенный недалеко от Таллина на острове Даго (Хийумаа). Дата его основания — 1531 год. Сложеный из естественного камня, он без особых перестроек служит вот уже 456 лет. Поньне несут свою нелегкую вахту и другие балтийские навигационные башни — Сыре и Рухну (1645 г.), Кери (1723 г.), Пакри, Северный и Южный Гогландские (1724 г.), Сескар (1725 г.)...

И все-таки первые маяки, хотя и представляли собой впечатляющие сооружения, оборудованы были достаточно примитивно. Освещались они кострами, в которых сжигались дрова, уголь или различные масла. Широко использовался также китовый жир. Такой огонь был ненадежным, видимым с небольших расстояний.

К концу XVIII века в России существовало 16 маяков, к 1900 году их стало в десять раз больше. Количество росло за счет освоения акваторий южных и северных морей, Дальнего Востока. Но приоритет в развитии навигационных средств оставался за Балтикой.

В 1803 году на маяке Кери был установлен восьмигранный фонарь с масляными лампами и медными отражателями. Это

первое у нас светооптическое устройство. В 1858 году его заменили на френелевскую систему освещения. В 1860—1900 годы все новые, а также большинство старых маяков оборудовалось именно такими оптическими приборами, закупаемыми за рубежом, главным образом во Франции и Англии. И в первые годы после революции эти страны оставались главными поставщиками подобной техники. На основании линзы Шепелевского укреплена, например, фирменная пластина: «Париж. 1929 год». Лишь единичные маяки имели электрическое освещение, на большей части применялись в ту пору керосинокалильные установки и ацетиленовые горелки.

Долгое время на море преобладали исключительно визуальные средства навигационного оборудования. Со второй половины XIX века появились и звукосигнальные установки. Вначале это были колокола, пушки, а затем паровые и пневматические сирены. Первая паровая сирена в России установлена в 1884 году на балтийском маяке Колка. Туманные предсторегательные сигналы имели важное значение вплоть до 60-х годов нашего столетия. Сейчас они уходят в прошлое, уступая место современной радиотехнике.

Изменился и внешний облик маяков-новостроек. Типичной для них стала металлическая башня решетчатой ажурной конструкции, технологичная в монтаже.

В середине пятидесятых годов такая установка была сооружена на мысе Красная Горка, что в сорока минутах езды по побережью от Ломоносова. Все оборудование здесь, как, впрочем, и на других маяках, автоматизировано. Световой сигнал включают и отключают фотоэлементы, без участия человека. Для обеспечения бесперебойной работы электропроплесковая аппара-

тура, да и остальное оснащение, имеет резерв, который без промедления заменит вышедший из строя агрегат. На случай аварии береговой электросети установлены дизельные машины.

Оборудование на маяке новое, а вот название его пришло из глубокой древности — от возведенности, имеющих красноватый цвет холмов и обрывистого песчаного склона. В переписных книгах по Водской пятине Новгородской земли XV—XVI веков упоминаются «Красные горы», где владельцы плавильных печей — «домници» из окрестных деревень «копали» руду для выплавки железа.

С этим местом связаны драматические события гражданской войны. В июне 1919 года на форте Красная Горка вспыхнул, как известно, контрреволюционный мятеж. Уже через три дня под натиском большевистских частей особой береговой группы мятежники сдали позиции, важная стратегическая высота была отвоевана, но многие борцы за власть Советов сложили головы. На ме-

сте исторических боев сооружен мемориал. Красная Горка стала братской могилой и для других героев.

«Здесь захоронены 206 военных моряков с эсминцев «Гавриил», «Константин» и «Свобода», погибших 21.10.1919 г. при выполнении боевого задания...»

«Здесь захоронены погибшие в боях при подавлении Кронштадтского мятежа в марте 1921 г. ...»

«Здесь захоронены советские воины, погибшие в боях в 1941—1944 гг....»

Нынешним летом специальная поисковая группа, созданная при Ленинградском обкоме ВЛКСМ, с помощью моряков-балтийцев отыскала место гибели эсминца «Гавриил». Он шел для постановки минного

приказала оборудовать ледовую дорогу. Эта трасса сыграла важную роль как для обороны подступов к Кронштадту, так и для обеспечения выхода в море наших подводных лодок, а кроме того, гарантировала жизнедеятельность Ораниенбаумского плацдарма.

Самый напряженный период на этом маршруте пришелся на март—апрель 1942 года. Было проведено два стрелковых полка, артиллерийский дивизион, танковая рота, аэросанный батальон, большое количество автомашин. И все это ночью, несмотря на сильный мороз и пронизывающий ветер, налеты вражеской авиации...

Немцы пытались захватить маяк. Для этого был организован специальный десант, но он

На мысе Стирсрудден в 1907 году жил и работал В. И. Ленин. Об этом напоминает стела, установленная неподалеку от маяка.

Владимиру Александровичу и Зое Георгиевне Котовым...

А на смену родителям приходят дети. Николая Васильевича Бойцова, в последние годы бывшего начальником маяка Стирсрудден, сменил на посту его сын — Валерий Николаевич. Жена Валерия, Татьяна Петровна, дочь тоже уважаемых маячников — Петра Яковлевича и Аполинарии Александровны Аксеновых. Три родные семьи собрались на одном маяке. Подрастает и новое поколение Бойцовских.

Живется ребятишкам здесь привольно. Места вокруг грибные, ягодные, отличная рыбалка в двух шагах. Правда, есть у них и свои трудности: ближайшая школа, например, в нескольких километрах — каждый день туда и обратно. Можно было бы определить детей в интернат, но Валерий Бойцов, сам выросший на маяке, считает подобные неудобства нормальными.

Ученые, к сожалению, обходят пока своим вниманием маячные «колонии», хотя по условиям жизни (в кругу подчас абсолютно замкнутом) они вполне сравнимы с космическими экипажами. Практика показала, что самый оптимальный принцип подбора коллектива — семейный. Разумной необходимостью продиктовано и устройство подсобных хозяйств, кое-где весьма обширных: с садом, огородом, даже маленькой фермой. Благодаря им обеспечивается полноценное питание — в дополнение к положенному «довольствию». Кроме того, свободное от вахт время оказывается до предела заполненным полезными и приносящими удовлетворение занятиями. Маячники — люди Obstinateльные. Хозяйства у них крепкие, образцовые, стол богатый. Но как самому дорогому подарку радуются здесь хлебу городской выпечки...

Стирсрудден в переводе со шведского означает «указующий мыс». Маяк стоит на юж-

ном гористом склоне этого мыса. В отличие от других, у его подножия плещет зеленое море леса. Залив неподалеку, но шум волн не достигает слуха.

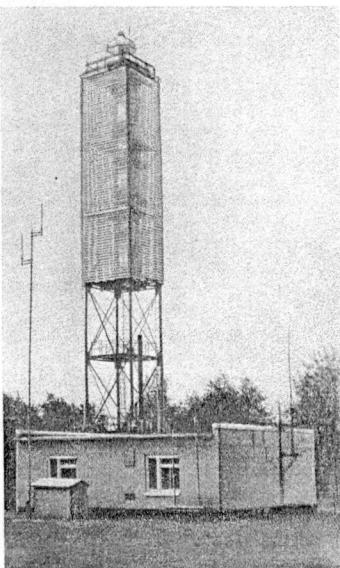
— В войну Стирсрудден был полностью разрушен. Свой нынешний вид он получил в 1954 году. В семидесятые годы прошла еще одна реконструкция комплекса — навигационных, бытовых, хозяйственных сооружений. А вообще маяк основан в середине прошлого столетия. Сначала тут была деревянная конструкция без огня, которая служила только дневным ориентиром. В 1873 году на ее месте появилась восьмигранная каменная башня высотой 15 метров, уже со световым сигналом. Таким видел маяк Ильич... — В. Н. Бойцов прерывает рассказ.

Мы вышли за пределы маячного городка, чуть прошли по песчаной дороге и остановились у выстроившихся в каре елей. На скромной гранитной стеле надпись: «Здесь на даче у профессора Н. М. Книповича в июне—июле 1907 года жил и работал В. И. Ленин».

...По дороге на Стирсрудден попутчица в пригородном автобусе, оказавшаяся учительницей истории, горячо попросила, узнав о цели моей поездки: «Обязательно разыщите меня потом и сообщите, сохранилась ли дача. Надо бы ребят привезти на экскурсию».

Дача, к сожалению, не сохранилась. Но привезти ребят обязательно надо. Чтобы познакомить еще с одной страницей биографии вождя, а заодно рассказать о надежном морском страже, который моряки называют «вечно светящим» — за ровный, немигающий луч в ночи.

Ленинград — город у моря. Его история прочно связана с Балтикой. А судьба балтийских маяков — с историей города, путь к которому они указывают судам.

заграждения и подорвался на вражеском снаряде. Тела матросов выбросило на мыс Устинский (прежнее название Долгий Нос). Как удалось установить, сам эсминец затонул в трех милях от него, в Копорской губе.

Мыс Устинский находится в близком соседстве с полуостровом Каравалдай. Коллектив Шепелевского обслуживает установленное там навигационное оборудование. Есть между балтийскими маяками не только территориальная или, скажем, техническая связь. Их объединяет не менее ценная, касающаяся не одних лишь моряков, а уже каждого из нас — связь в цепи исторических для Родины событий.

Зимой 1941/42 и 1942/43 годов от Шепелевского по льду Финского залива потянулись нити к маякам Сескар и Лавенсари. Желая как можно быстрее наладить контакт между материком и островами, организовать туда переброску войск, бесперебойное снабжение их боеприпасами и продовольствием, командование морского оборонительного района

встретил яростный отпор советских моряков. За все время кровопролитных боев под Ленинградом Каравалдай ни разу, даже на короткое время, не перешел в руки противника.

Николай Васильевич Бойцов воевал в Закарпатье. Балтийские маяки стали ему родными уже в послевоенные годы. Работал на Нерве, Соммерсе, Сескаре... И повсюду следовала за ним жена — Лидия Николаевна, а с ними двое их сыновей. И где бы ни обосновывались они — везде царили образцовый порядок, добрые отношения. К боевым наградам Николая Васильевича добавился два года назад орден «Знак Почета».

Таких «маячных» семей, преданных делу, безупречно служащих не одно десятилетие, на Балтике немало. Только-только ушли на пенсию, отработав на Толбухине без малого тридцать лет, Василий Михайлович и Галина Дмитриевна Рындина, два десятилетия несут вахту на Сескаре. Виктор Иванович и Таисия Ивановна Афиногеновы, все никак не расстаться с маяком Горки